

Наемный киллер Хлестаков

Галина КАСЬЯНИКОВА
Вечерняя Москва.
Подписной индекс 32056

«Это звездолет под управлением сумасшедшего астролога, сорвавшийся с курса и несущийся в туманность Абсурда». Таков актер Максим Суханов глазами критика Ганца Кюхельгартена. Журнал «Афиша» назвал его «Самой странной звездой театрального сезона». Отдельные зрители выражаются куда резче. «Да, некоторые предполагают, что я идиот», — констатирует Суханов — Хлестаков в спектакле Владимира Мирзоева, взбаламутившем театральную Москву, и жалостливый бандит Свинья из «Страны глухих» Валерия Тодоровского, растрогавший кинопублику. После этих ролей о Максиме Суханове заговорили всерьез. А что думает он сам о себе и своих ролях? Когда мы договаривались об интервью, звонить «звездолету» можно было и в час ночи, и в два, и в три. Жизнь кипит. Потому и в ответах он был предельно лаконичен.

- Вы когда-нибудь отдыхаете?
- Да, часа четыре в сутки сплю.
- Как Наполеон?
- Только без лест!
- Наверное, ваша заветная мечта — выпасться?
- Я не мечтаю вообще. Живу сегодняшним днем. И получаю удовольствия не меньше, чем вы, мечтаю.
- «Хлестаков» принес вам Госпремию, «Страна глухих» — «Никку» за роль второго плана. Премии для вас что-то значат?
- Приятно, когда людям нравится, что ты делаешь. Это необходимое поглаживание.
- ...которое вы получили, по крайней мере на церемонии вручения Госпремии, вместе с Сергеем Безруковым и Евгением Мироновым. Причисляете себя к новому звездному поколению актеров?
- Я себя вообще никуда не причисляю. Ни к поколению, ни к направлению. Я отношу себя к театру, который создает Владимир Мирзоев. Придуманное им поражает меня и развивает мое воображение.
- А Мирзоев сразу понял, что вы его актер?
- Нас познакомил на даче Павел Каплевич, театральный художник и наш друг. Мирзоев предложил порепетировать, и — завертелось... Последний спектакль выпустили — «Коллекция Пинтера».
- Ролью-мечтой вы уже успели обзавестись?
- Нет. Режиссер — вот точка отсчета. Он предлагает сотрудничество в его произведении. Поэтому мечтать о ролях нужно режис-



Фото Екатерины ЦВЕТКОВОЙ. «Вечерняя Москва» ряд моих поклонниц взял бы цветы и отправился к Безрукову. Но это уже комикс.

серу, актеру же остается грезить о режиссере. Я свое отмечал.

— Ваш герой в «Укрощении строптивой» — Петруччо — тиранит гордячку-жену, требуя от нее полного послушания...

— Не тиран он, просто находится в экстремальной ситуации — хромой, измотанный, потерявший все. Но веселый. Конечно, прежде всего ему нужна опора, например деньги, а потом возникают и чувства к неординарной избраннице.

— Сами вы относитесь к женщинам...

— С нежностью. И амплитуды этой нежности описать невозможно.

— Но характеры вы всегда создаете очень мужественные, даже грубые.

— Разве это противоречит тому, что я сказал?

— Ваш Хлестаков был настолько сексуален, что ТВ-6 назвало его «беседу» с Анной Андреевной (Юлией Рутберг) самой эротичной сценой сезона. Вы сознательно стремились к статусу секс-идола?

— Сознательное стремление к такому титулу — удел преклонных лет. Ни один спектакль, который мы репетируем, не может быть как без эротики, так и без философии — эти близкие понятия должны быть неразрывны.

— Вы популярность свою ощущаете? Поклонницы приходят к подъезду?

— Редко, они меня берегут.

— Вам не обидно? У Безрукова толпы с цветами стоят.

— А мои, может, собираются тихо дома, гадают, сладко поют. Потом, все зависит от установки. Как правило, мысли материализуются. Я никогда не закидывался на том, чтобы на выходе из театра меня забрасывали цветами восхищенные девушки. Я не говорю, что это плохо, я об этом просто не думал. А обидно могло бы быть, если весь немногочисленный от-

— Но подарки принимать от поклонниц, наверное, все-таки приятно?

— Мне всегда неудобно, когда что-то дарят, — это же денег стоит. Достаточно того, что люди пришли на спектакль и хлопали.

— Я знаю, вы играли в школьной рок-группе, пели в роли Ирода в «Саломее»...

— Я бы и сейчас с удовольствием спел в каком-нибудь спектакле. Еще в детстве хотел быть поющим врачом. И поступал я сначала на вокальный, а когда провалился, пошел в Шуку.

— На четвертом курсе вы играли в «Ленком» в спектакле «Парень из нашего города». Почему же после училища ушли в Театр Вахтангова?

— Меня туда позвали вместе с женой.

— Но ваша жена — актриса Театра имени Моссовета!

— Это восьмая жена.

— И всего две дочки — Василиса и Соня. Они живут с вами?

— Только младшая. Ей сейчас шесть лет.

— Вы заботливый отец?

— ...и забота моя безразлична. А вот воспитывать детей не люблю. Их баловать надо.

— Свиныю из «Страны глухих» вы сыграли прямо по песне «на лицо ужасные, добрые внутри». В жизни вы такой же отзывчивый и щедрый?

— И ужасный на лицо.

— Поэтому в кино вам достаются роли то бандита, то наемного убийцы... Не видят вас режиссеры страдающим интеллигентом?

— Их надо спрашивать.

— Но вы соглашаетесь на «крутых» героев. А что отвергаете?

— Отказался от роли в фильме «Москва» по сценарию Владимира Сорокина... В театре — от Клавдия в «Гамлете» Питера Штайна...

— Вам важно, что думает публика во время спектакля?

— Никогда об этом на сцене не думаю. Я просто хочу чувствовать публику. И очень радуюсь тому, что моя игра — игра сомнений. Это игра о том, что судить о божественных предназначениях следует с величайшей осмотрительностью.

— Вы как-то говорили, что не любите играть в студийных спектаклях.

— Да. Актер должен быть на недоступном расстоянии от зала. В студиях эта грань размыта. Но прежде всего студии я не люблю за их атмосферу скорее болезненную, чем творческую: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке».

— Вам не нужна компания единомышленников?

— Единомышленников вообще не существует. Все мыслят по-разному, потому что и осведомлены, и талантливо не одинаково. Совпадения возможны в желаниях. В этом, конечно, я нуждаюсь.

— Августовский кризис вас затронул?

— Он очень сильно по всем ударил. Нам, чтобы выпустить «Укрощение строптивой», понадобилось снять спектакль «Тот этот свет», распиливать декорации и из них сделать для «Укрощения». И теперь «Двенадцатую ночь» мы играем в тех же декорациях. Когда такое было?

— Путешествуете часто?

— У меня нет времени. К тому же я не переношу переезды, багаж, билеты. Я вообще не люблю держать что бы то ни было в руках.

— Как насчет баранки автомобиля?

— Машину вожу с 87-го года. Сейчас у меня зеленый «Гольф».

— Работники ГАИ достают?

— А как же. Но я обычно с ними не спорю. Они не могут быть не правы, такую уж работу им придумали.

— Раньше байки про актеров пахивали спиртным: то запой, то спектакль в состоянии дисбаланса...

— Я не пью. А что касается «профессиональной актерской болезни», то пьют все одинаково. Просто чаще говорят об актерах и меньше — о лифтерах. Не думаю, что всю водку в стране скупают актеры.

— Во что вы никогда в жизни не поверите?

— В церковь. Любая конфессия учит и судит о том, что истинно и что ложно, на основании лишь собственной осведомленности. Поэтому, это безумие.

— Чего бы вы никогда не смогли сделать?

— Родить. Тут я застрахован крепко. От остального застраховаться просто невозможно — я не знаю, что будет дальше.

5.2.2000.

Суханов Максим